

В отпуску (гор. Орлов, Вятской губернии)

Всю жизнь, когда мне плохо, что-то гложет – или физические боли и тем более моральные, – мне стыдно выказывать их. Я всегда стараюсь быть бодрым и вселять бодрость окружающим. Когда я уезжал с фронта, и меня провожали друзья, у меня, как говорят, на сердце кошки скребли, но я этого не показывал. Я чувствовал, что армия очень тяжёлая школа, но это была лучшая пора в моей жизни.

Приехал в семью отца без веры и надежды на будущее, без перспектив, а внутреннее желание было действовать, работать, а где? То, что ты офицер – это делало тебя бесправным ненадёжным человеком, которому нет доверия в новом обществе пролетариев и бедноты, хотя я был настоящим бедняком. Дома в обществе я всегда казался весёлым, но больно переживал бесперспективность.

Рецидив малярии меня мучил. Особенно я напугал свою сестру Марусю, когда привез её на лошадке в дальнюю деревню, где она должна была работать учительницей. Я дошёл до потери сознания и старался ей внушить, чтобы она была спокойна, что, если я помру, нужно это перенести спокойно. Меня мучили судороги ног – это сказывались болота и окопы фронта. Но болел я втихомолку.

Проходили дни отпуска, за мной ухаживали девушки, но я не был им рад. Я ходил по окрестностям, по воскресеньям даже

¹ Продолжение воспоминаний Якова Матвеевича Терентьева. Публикатор В.С. Зайцев. Начало см. журнал «На русских просторах» № 4 (39) 2019 г.

ходил в церковь, поскольку туда ходили и мужики, и девушки. Я не был верующим, но на людях было спокойнее. Так постепенно прошли 50 дней отпуска.

После отпуска пришёл к уездному воинскому начальнику и по какому-то приказу № 113 был уволен от службы. Попытки остаться на военной службе были отвергнуты. Прошу взять меня в красногвардейцы. В ответ сказали – офицеров не берём. На работу поступить некуда. Страшное дело, когда нет работы, когда ты никому не нужен! Пытался заниматься самообразованием – не пошло. Начал писать воспоминания о фронтовых делах – они были корявы.

Товарищи

В городке оказалось два-три прапорщика. Казаринов, кажется, сын торговца и ещё кто-то. Вспоминаются наши встречи на берегу Вятки. Вскоре мне сообщили, что этот Казаринов расстрелян. Многие встречи и разговоры с ним мне не давали думать ничего дурного о нём, я не помнил никаких враждебных высказываний. Меня это расстроило. Стало опасно встречаться с товарищами.

В это время я на одном из вечеров в женской гимназии познакомился с девушкой – учащейся этой гимназии – Таей Охапкиной (Таисией Матвеевной), я увлёкся ею и чуть было не женился на ней. Но это не вышло. Она мне много помогла советами и делами, когда я начал работать. Она оставила в моей жизни, или, как говорят, в сердце, большой след.

На распустье

Начал я после фронта приходить в себя. Болезни начали отступать. Мне нужно было что-то делать, где-то трудиться. Я ещё и ещё раз просил взять меня в ряды Красной гвардии, но мне отказывали. Я обошёл не раз разные советские учреждения, но меня не брали. Я начал рассылать письма в Москву, в Вятку, но, как правило, не получал ответа. В конце мая или начале июня 1918 года я обратился к Военному комиссару Орловского военного комиссариата (фамилия, кажется, Маринин) с просьбой принять в Красную гвардию, он мне категорически отказал. Вскоре узнал, что этого комиссара арестовали и куда-то отправили, говорили, что он ранее служил в полиции.

Вскоре появился новый комиссар – бывший мелкий военный чиновник, сравнительно молодой, но предприимчивый и энергич-

ный. Он мне напоминает Чапаева в исполнении артиста Бабочкина. Когда я обратился к новому комиссару, он выслушал меня и задумался. А потом сказал, что от бывшего воинского начальника осталась гора бумаг о командном и солдатском составе. Приведением бумаг в порядок занимаются несколько человек, но у них что-то ничего не выходит. И закончил: «Попробуй навести там порядок, а потом посмотрим» (Обращался он на «ты»). На другой день присмотрелся и с помощью нескольких товарищей организовал составление документов и рассылку их по 36-ти волостям. Дело пошло, комиссар Копылов воспрял духом и то и дело подхваливал нас. А через полмесяца у меня с ним состоялся большой разговор.

Большой разговор

В середине июля 1918 года комиссар Копылов вызвал меня в свой кабинет, вёл он себя самоуверенно, как большой начальник. Он сообщил мне, что есть приказ Наркомвоенмора РСФСР о формировании больших войсковых частей и их обучении, и что он назначает меня начальником отдела формирования и обучения Военного комиссариата. Подумав, я ответил, что принять такое назначение не могу, т.к. моя подготовка и опыт ограничены, и что я могу командовать взводом, ротой и предельно – батальоном. Я могу командовать этими подразделениями и в бою. А о формировании крупной, да ещё специальной части я не имею никакого понятия и не могу подводить его в вышестоящих органах. Он меня убеждал согласиться, я отказывался. Он на меня прикрикнул, что если не соглашусь, то передаст моё дело в ЧК. Это было грозное учреждение. Я старался спокойно объяснить, что каждый человек должен делать только то дело, которое знает и умеет делать. Тогда Копылов сбавил тон и начал меня убеждать, что все полковники и другие высокие воинские чины находятся сейчас в стане врагов, мы сами должны браться за большое дело, работать и учиться, учиться и работать – другого выхода у нас нет.

Я согласился и был назначен на эту должность. Мне было выделено помещение и дано немалое штатное расписание.

Я приступил к формированию, скоро у меня появились два помощника – один по организационным вопросам и второй по обучению войск и населения военному делу. Один из помощников был прапорщик, который по неизвестным мне причинам был арестован органами ЧК и расстрелян. Второй помощник был военным

чиновником. Фактически в отделе не было ни одного военного специалиста. Было много бумаг, но не было инструкций и методических указаний.

«По дислокации Урала...»

Однако надвигались события. Белые на Украине, на Кубани, в Зауралье быстро сколачивали части на средства немецких, английских, французских, японских, американских империалистов, и они вот-вот были готовы броситься в бой с молодой советской властью. Мы же имели разрозненные, слабо обученные отряды добровольцев красногвардейцев. В наших условиях это были крестьянские парни, которые нередко вступали в отряды из-за оплаты и разных льгот, не умеющие ни воевать, ни взяться за винтовку.

Одной из первых задач было сделать из 100-150 человек боеспособный отряд. Это оказалось нелегко. Молодые парни уже давно завербовались в красногвардейцы, но с ними не велось никакой работы, они толкались, где угодно, их кормили, давали деньги и даже одежду, но ничего от них не требовали. Большинство из них никак не реагировало ни на какие команды. Пришлось повозиться, пока они начали шевелиться. Откровенно говоря, я этим «воинам» страшился вначале давать оружие. В этот период обязательной воинской повинности и призывов в армию ещё не было, хотя такие решения в центре подготавливались.

Мы знали, что 28 января 1918 года был издан декрет о создании Красной армии; 30 января «О социалистическом рабоче-крестьянском Красном флоте», 8 апреля «О волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатах по военным делам». На VII съезде партии В.И. Ленин заявил: «Наш лозунг должен быть один – учиться военному делу настоящим образом...». 22 апреля ВЦИК принял декрет «Об обязательном обучении военному искусству», согласно чему введено всеобщее военное обучение. 29 мая Постановлением ВЦИК была введена всеобщая воинская повинность. Наркомвоенмор утвердил 31 мая план формирования 28 стрелковых дивизий, а 12 июня был объявлен первый призыв пяти возрастов в 51 уезде Приволжского, Уральского, Западно-Сибирского военных округов (в том числе и в нашем уезде).

В один из «прекрасных» дней мне вручили телеграмму на имя комиссара Копылова из Екатеринбурга (ныне Свердловска) из Окрвоенкомата примерно следующего содержания: «По дислокации Урала вам надлежит сформировать стрелковый полк, артдивизион, сапёрный батальон... караульные роты...» На телеграмме

размашистой рукой тов. Копылова была написана резолюция: «Тов. Терентьеву. Сформировать. Копылов».

Получив телеграмму, я много раз её прочитал и ничего не понимал. Что значит «по дислокации»? что значит «сформировать»? из кого? где командный состав? Встали сразу сотни вопросов, я не мог на них ответить себе и не знал, что делать.

Зашёл к своему шефу. Комиссар сам ничего не знал и только повторял: «Формировать! Формировать!»

В растерянности я думал и думал, что делать? Как выполнять приказ? Начал искать, кто бы из специалистов мог что-нибудь посоветовать. Но специалистов не было. Я начал искать в городе печатные руководства – не было ничего, ни одной книги или инструкции даже для царской армии. В военном комиссариате даже уставов не было. Бросился в свою библиотечку – кроме уставов ничего не нашёл. Пошел в городскую библиотеку, там, конечно, тоже ничего не было.

Прошла ночь, я все думал, прошёл день – я думал и ничего не мог придумать. Волнуюсь, мечусь и ничего!

Проходят двое суток, проходят трое суток...

Открытие необыкновенного

Мне страшно хотелось найти тайну, которая помогла бы мне начать претворять в жизнь «по дислокации Урала...»

Я пришёл к выводу, что ведь в этом каменном доме бывшего воинского начальника, десятилетиями работали знающие офицеры. Здесь было много военных чиновников, унтер-офицеров и солдат, которые вели большую работу по мобилизации солдат, командного состава, лошадей и т.д. Но их нет и неизвестно, где они.

Ведь у них были всякого рода руководства, правда, я их никогда не видел, но слышал о них в школе прапорщиков. Были же мобилизационные планы.

Я начал поиски документов по кладовым, но ничего не находил.

На четвёртый день я с улицы бегом бежал по лестнице на 2-й этаж нашего комиссариата, проскочил выше и заметил люк на потолке.

В этот люк когда-то вела железная лестница, сейчас она была частично сломана. Я постоял перед этой лестницей, но какая-то сила толкала меня карабкаться вверх. Вверху было темно, свет падал через маленькое оконце, и я заметил железную дверь, в ней я нащупал внутренний замок. Когда, позвав слесаря, мы вскрыли

дверь, то обнаружили хорошо оборудованную комнату – архив. В одном из первых шкафов я увидел толстую книгу с названием «Руководство для воинских начальников, полковников и капитанов». Это была толстая книга с двумя колонками на каждой странице мелкого типографского шрифта – как раз то, что мне было нужно до зарезу – это я понял, как только перелистал её. Я нашёл настоящий клад, который сыграл огромную роль в моей жизни в последующее десятилетие.

Всю ночь я сидел над этим руководством, и каждая минута давала мне новые понятия и знания, о которых я не имел представления. Я сделал для себя много открытий и за одну ночь повзрослел.

На утро в Екатеринбург ушла телеграмма, написанная мною и подписанная Копыловым. В телеграмме сообщалось о получении указания и просьба сообщить, где и как получить контингент рядового и командного состава, вооружение, имущество, продовольствие и всё, что требовалось для формирования войсковых частей в этом городе.

После отправки телеграммы, у меня свалилась гора с плеч.

Формирование частей началось

Я приступил к изучению архива воинского начальника. Одновременно была усилена вербовка добровольцев в Красную гвардию, приводились в порядок казармы, проводился учёт оружия и шло формирование роты за ротой по штатам военного времени.

По всем волостям нашего уезда начали составлять списки военнообязанных, которые должны быть призваны с объявлением мобилизации.

Через несколько недель мы начали получать указания о размерах формирований и другие указания.

В КРАСНОЙ АРМИИ

От Красной гвардии к Красной армии

Молниеносно летели дни в заботах по созданию отрядов, нужно было каждый день учиться самому и учить других по формированию красногвардейских частей.

Но вот поступил декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР за подписью В.И. Ленина (Ульянова) о создании регулярной Красной Армии, и мы – молодёжь – автоматически стали её костяком

и соответствующие приказы гласили, что мы призваны по мобилизации в ряды Красной армии.

При формировании частей ежедневно возникали большие и малые задачи. Возникали разногласия с комиссаром Копыловым об отношении к старшему командному составу. Прибыл командир сапёрного батальона – инженер – и Копылов дал команду поместить его вместе с солдатами в казарме. Нужно было не уронить достоинства и самолюбия комиссара и убедить его, что старший комсостав – это не ефрейторы и унтер-офицеры, что это люди творческие, и для них необходимо создавать соответствующие условия быта. Постепенно решались и эти маленькие дела.

Обстановка требовала от командиров Красной армии новых качеств, нужно было уметь не только давать команды, но и уметь говорить, убеждать, быть оратором. Нам, «старым» командирам, это было тяжело, но пришлось всё больше выступать перед красноармейцами и населением.

Трудности на местах усугублялись огромными событиями в стране. Империалисты Антанты нагнали и проводили с весны 1918 года высадки десантов в Мурманске и других портах. Много беспокойств причинял мятеж сорокатысячного чехословацкого корпуса, растянувшийся от Волги до Сибири. К этим контрреволюционным силам присоединялись офицеры, кулаки-унтер-офицеры и обманутые части старой и новой армии.

Гор. Орлов стоял на реке Вятке, и была опасность прорыва бело-чехов по реке на пароходах. Не исключалось появление и других контрреволюционных сил и местных восстаний. После объявления мобилизации военнослужащих появилось немало дезертиров, вооруженных не только винтовками, но и пулемётами.

Местные эсеры и буржуазия активизировали свою деятельность и шли навстречу международной и внутренней контрреволюции, усиливали саботаж, агитировали молодежь идти в ряды белой армии.

Захват белыми городов создал огромную напряжённость во всей жизни, особенно при формировании частей Красной армии.

Мы, молодёжь, под руководством небольшого отряда – руководителей членов партии большевиков, успешно начали мобилизацию и формирование войсковых частей, подготовку их и отправку в разные направления. Главным образом направляли мы их в Вятку для создания крупных военных соединений.

Передо мною была поставлена новая задача – ранее никогда не проводившееся массовое военное обучение населения.

Во главе Всеобуча

В соответствии с решением Советского Правительства во главе с В.И. Лениным нужно было организовывать всеобщее обязательное военное обучение молодёжи призывных возрастов по разработанной 96-часовой программе без отрыва от производства. Я был назначен заведующим отдела всеобщего военного обучения.

На первых порах я в этом деле встретился с невероятными трудностями.

На руках был только короткий декрет правительства о всеобщем военном обучении. Не было ни учебных баз, ни инструкций, ни командиров, не говоря уже о методических указаниях. Я бросился искать в своем кладе, который научил меня проводить мобилизацию, формировать части и обучать их военному делу.

Здесь было всё иначе. Как же организовать это большое совершенно новое дело?

Я опять начал искать какую-либо литературу по этим вопросам, т. к. собственные планы создания всеобуча при анализе рушились.

Вновь я пришёл в библиотеку при Городском Совете к старичку Банникову, который в свое время научил меня читать художественную литературу. Но и в библиотеке ничего не оказалось. Я уже уходил из библиотеки, как Банников вспомнил, что лет 10 тому назад он видел у одного из горожан книгу, которая, возможно, могла бы мне помочь. И хотя этот человек умер, он назвал мне его фамилию и адрес. Сначала мне казалось бессмысленным идти по этому адресу, но дня через два я всё-таки пошел.

Семья оказалась многочисленной, и своей просьбой я озадачил всех домочадцев. Началось обсуждение, какая бы это могла быть книга, а один паренек вспомнил о библиотечке дедушки, которая лежит на потолке. Мы нашли ящик, в котором было несколько сотен книг, к которым никто не прикасался много лет. И нашлась там книжечка с названием «Швейцарская милиционная система военной службы». Мне эту книжку отдали, как ненужную.

Из этой книги я узнал о новой системе военной повинности. Она рассказывала о народной армии, мне она очень понравилась, и я пришёл к выводу, что в организации военной учебы, она нам очень подходит. Через 1-2 дня у меня был план, как организовать в городе краткосрочную школу инструкторов – они же командиры подразделений – по деревням и в городе. При всех волостях организовать учебные центры с физкультурными городками, по-

мещениями для хранения оружия и учебного имущества, где был бы штаб взвода, роты, батальона.

При каждой волости и в городе организовать тиры для стрельб. Срочно издать методическую книгу, как проводить обучение по 96-часовой программе, которая прибыла в эти дни.

Засел я писать такую книжку. План я доложил комиссару Копылову, который выслушав меня, пришёл в восхищение и давай меня колотить по плечу, приговаривая: «Как здорово ты придумал!». После этого я пошёл к Председателю Исполкома Совета рабоче-крестьянских и солдатских депутатов тов. Целищеву. Это был пожилой вдумчивый большевик (позже он был назначен Народным комиссаром внутренних дел РСФСР). Выслушав меня, он план мой одобрил и сказал, чтобы я подготовил Постановление Исполкома, на заседании которого мне надлежало выступить.

Всё это было сделано, и я начал осуществлять этот план. Получили мы двухэтажный каменный дом под военную школу. Начальником школы был назначен бывший прапорщик и командир роты Ерёменко, который имел педагогический опыт – кажется, был учителем. Мы организовали месячную школу инструкторов.

Я метался по волостям. Там строились по нашим эскизам «физгородки», тиры, подбирались помещения для штабов, составлялись списки. Вскоре развернулась учёба граждан 1-й очереди, готовилась другая очередь.

Тяжёлый удар

Контрреволюция нагнала. Белогвардейщина терзала целые районы. Расстреливали комиссаров, убивали офицеров, пошедших с рабочими и большевиками. Наконец, посягнули на В.И. Ленина, пытаясь его убить, он тяжело ранен. Нам нанесён тяжёлый удар.

Народ ответил массовым террором, это докатилось и до нашего городка, приехал отряд латышей. Срочно было собрано около сотни людей, там были враги и, по-моему, не враги. Начали их вывозить на пароходе и в 5–7 километрах от города расстреливать.

Как-то ночью я пришёл в «номера», как называлась гостиница, где разместился отряд, нашёл комиссара и резко высказался против расстрела людей, которых я не считал врагами. Я назвал ряд фамилий, часть из людей, которых я защищал, не были расстреляны. Однако библиотекаря Банникова, сделавшего мне много добра, спасти не удалось.

Позже деятельность этого отряда была рассмотрена, и руководители его были расстреляны за превышение данной им власти и другие злоупотребления.

Правильно ударили по контрреволюционерам за террор против советских руководителей. Но, к сожалению, имели место и злоупотребления в этом святом деле. Откровенно говоря, когда я шёл к руководителям «советского меча», я не надеялся уйти от него. Но я ушёл и кое-чего добился, но недостаточно.

На 2-м Всероссийском съезде отделов военного обучения в декабре 1918 года

К декабрю у меня вышла брошюра «Всеобщее военное обучение». Это было официальное издание, подписанное мною и утверждённое военным комиссаром. Я писал, редактировала и переписывала Тая Охупкина, в Типографии Михайлова набирали и печатали, а мы ежедневно посылали по несколько листов. Это руководство я послал в Губернский военный комиссариат и снабдил им все учебные пункты. Это руководство заменяло уставы, которых у нас не было.

Неожиданно я персонально получил телеграмму с вызовом в Москву на Всесоюзный съезд военных представителей отделов всеобщего военного обучения. Я немедленно собрался и через несколько дней был в Москве. На съезд приехало уже много представителей, и мы обменивались мнениями по вопросам учёбы. Съезд открылся в Доме Союзов в торжественной обстановке. Работой съезда руководил секретарь ЦК ВКП(б) Яков Михайлович Свердлов, он же был Председателем ВЦИК Советов депутатов.

Якова Михайловича я видел впервые, это симпатичный простой человек с громким голосом (мне кажется – он говорил басом).

Съезд проходил около двух недель и фактически являлся школой, где читались методические доклады и обменивались опытом. На съезде были как бы три группы: первая – руководители партии Я.М. Свердлов, Н.И. Подвойский, Е.М. Ярославский и некоторые другие. На съезде выступил наркомвоенмор Л.Д. Троцкий. Вторая группа, сравнительно небольшая – это бывшие генералы и полковники, которые связали свою судьбу с советской властью, среди них были люди довольно пожилые. И третья, самая большая группа – это мы, молодёжь, молодые военные и гражданские, которым было поручено обучать молодёжь призывного возраста военному делу.

Всё время председательствовал на съезде Я.М. Свердлов, что придавало съезду большое государственное значение.

Я с огромным вниманием слушал все доклады и выступления, но, к сожалению, большинство их не были деловыми, а мне хотелось понять, правильно ли мы ведём работу в своём Орловском уезде Вятской губернии.

Мне хотелось выступить на пленарном заседании, но я не посмел, т.к. был плохим оратором. Но на одной из секций я всё же выступил.

Моё выступление

Я очень волновался и стеснялся, но рассказал, как мы готовим кадры командиров-инструкторов, как организовали учебные пункты о строительстве физкультурных городков и тиров, о военной структуре и контроле учёбы. Продемонстрировал наши приказы-инструкции и наше руководство. Я заметил, что мой рассказ произвёл немалое впечатление.

На другой день пленарное заседание началось как обычно, и я стал успокаиваться от своего выступления. Однако вечером произошло то, чего я не ожидал.

Встреча с Я.М. Свердловым

Открывая вечернее заседание, Я.М. Свердлов сказал: «Ранее, чем дать слово очередному докладчику, прошу сказать, здесь ли тов. Терентьев?». Я ответил: «Да». «Зайдите, пожалуйста, за кулисы». (Съезд продолжал свою работу после торжественного открытия в кинотеатре «Художественный»).



Я.М. Свердлов

За кулисами меня встретили два товарища в кожаных куртках, с наганами в кобурах, спросили мою фамилию и указали на дверь, куда мне следовало пройти. Сразу же из президиума в комнату вошёл Я.М. Свердлов. Он спросил мою фамилию и подал руку, а потом сказал, что ему рассказали о моём вчерашнем выступлении. Взял меня за кончики воротника моей шинели и спросил: «Так, значит, у вас учёба на полном ходу?» Я ответил, что, кажется, так, но что я не уверен, всё ли это хорошо. Он задал мне вопро-

сы, сколько людей проходит учёбу, откуда мы берём командный состав, как организованы учебные пункты? Я на каждый вопрос давал короткие ответы, он после каждого ответа говорил – «Хорошо» – и задавал новые вопросы.

Мне кажется, что беседа проходила минут 10. В конце он сказал: «Пройдите к т. Марьясину, вам покажут».

За дверью меня снова встретили двое в кожаном обмундировании и передали другим в таких же куртках, а последние проводили меня в комнату, где сидели два незнакомых мне товарища.

Беседа за кулисами

Один из товарищей просил кратко рассказать о моём выступлении. Я кратко всё повторил, вытаскивая из полевой сумки схемы, копии наших приказов, наше «Руководство», а они задавали многочисленные вопросы. Мне казалось, что они относятся к моему рассказу недоверчиво, а беседа превращается в допрос. Мне казалось, что я не мог их убедить, что всё, рассказанное мною правда.

Когда я вернулся в зал, вечернее заседание уже заканчивалось, и я ушёл в общежитие с тяжёлым настроением и ругал себя, зачем выступал. Я стал сомневаться в правильности нашей работы.

Первая встреча с тов. Подвойским

На следующий день заседания, председательствующий Я.М. Свердлов вновь вызвал меня за кулисы. За кулисами меня опять встретили два товарища в кожаных куртках и проводили меня в пустую комнату, попросили подождать. Мне казалось, что я арестован. Изредка товарищи в кожаных куртках заглядывали в дверь. Так прошло около часа. Потом один из товарищей в кожаном провёл меня через ряд дверей и мимо ряда товарищей в кожаном, которые показались мне мрачными.

Наконец, вывели меня во двор и предложили сесть в автомобиль.

Этот автомобиль с современной точки зрения был просто драндулетом. Ничего мне не сказав, меня куда-



Н.И. Подвойский
(1880–1948)

то повезли и привезли опять в какой-то двор, посадили в лифт, подняли и высадили на каком-то этаже в коридоре, где сидела девушка и печатала. Сопровождающий сказал, что это т. Терентьев, она попросила присесть, а сопровождающий прошёл дальше в кабинет. Никаких надписей, что это за учреждение, или таблички с фамилией не было.

Я подождал, и тот же товарищ пригласил меня в кабинет.

Это был небольшой скромный кабинетик, в котором было 3-4 человека, все со мной поздоровались за руку. Кто они были, я не знал, и только когда я уходил, мне сказали, что один из них был тов. Подвойский – один из ближайших помощников В.И. Ленина, возглавлявший Военно-революционную организацию при Петербургском комитете партии в 1917 г., организовавший борьбу с контрреволюцией в Петрограде, один из создателей Красной гвардии.

На этой встрече я опять рассказывал всё о нашей организации военного обучения, вновь демонстрировал свои материалы и вновь отвечал на многочисленные вопросы.

Оказывается, Н.И. Подвойский в это время был начальником Главного управления всеобщего военного обучения Наркомата по военным и морским делам. Тов. Подвойский под конец беседы поблагодарил меня и просил зайти к нему после окончания работы съезда.

Вторая встреча с тов. Подвойским

Через несколько дней наш съезд заканчивал свою работу. У меня была забота, как попасть к Николаю Ильичу Подвойскому, т.к. он был очень занят, говорили, попасть к нему было трудно. Но по окончании работы съезда из президиума было объявлено, когда я должен явиться к Начальнику Главного управления. Я был точен и точно в установленное время был принят. Встреча эта была короткой.

Тов. Подвойский просил продолжать начатое дело, информировать его лично периодически, как идут дела. Потом спросил, какие трудности мы испытываем и какая нужна помощь.

Я просил подобрать нам винтовок, тов. Подвойский записал и сказал, что русских трёхлинеек не будет, а вот винтовки старых систем и иностранные системы «Гри» и «Витерли» будут доставлены, сколько будет возможно. Кроме этого, я просил дать нам несколько десятков уставов полевой и строевой службы и давать всю новую литературу по военным вопросам. Н.И. сразу сказал –

не обещаю, это трудно, – но записал. И, наконец, я просил деньги для оплаты работы командного состава. Тов. Подвойский вновь записал и сказал, что постарается помочь.

Николай Ильич дал ряд дополнительных указаний, пожелал успехов, напомнил об информации, и мы распрощались.

1919 год

О 1919 годе в России написано много книг. Всякий добросовестный и думающий человек знает, что 1919 год был самым тяжёлым, напряжённым и решающим. Россию терзали интервенты в 1919 и 1920 годах. Многочисленные контрреволюционные правительства организовывались на территории истерзанной и многострадальной России, этим интервентам помогали помещики, капиталисты, кулаки, социал-демократы, социал-революционеры. Да и в Коммунистической партии были паникёры, а иногда и предатели. На этой благодатной почве расцвела колчаковщина. Это был отряд махровой контрреволюции, который мне был близко знаком. Интервенция и контрреволюция – это была ежедневная боль 1919 года, которая не давала спокойно жить ни днем, ни ночью.

В тот период я, конечно, был плохой политик и не мог видеть далеко, но я прекрасно видел, что при победе колчаковщины или иной контрреволюции я, и подобные мне, будем повешены. Мы работали очень напряжённо вместе с коммунистами и вместе с Советской властью, веря в большевиков во главе с В.И. Лениным.

Лучшей книгой о том времени я считаю книгу Герберта Уэллса «Россия во мгле», который, будучи писателем-фантастом, Россию видел только как полчище интервентов и белогвардейщины. Россию он видел умирающей, а пролетарское государство только мечтой В.И. Ленина. Но он видел и главное, что видели и мы – все думающие и честные люди, что только Коммунистическая партия сплотила вокруг себя всё передовое, честное и прогрессивное. Других прогрессивных сил в стране не было.

1919 год я начал воодушевлённый и вооружённый Всесоюзным съездом представителей военного обучения, встречей с Я.М. Свердловым и Н.И. Подвойским.

По возвращении из Москвы я вскоре получил большую посылку из Москвы. Это оказались деньги – новые рубли, пятёрки и десятки. Вскоре мы получили и десятки ящиков с винтовками. Правда, было мало русских трёхлинеек, но достаточно старых систем, как русский бердан, так и иностранных образцов.

Но, кроме этих посылок, из Москвы прибыли два инспектора проверять наш, как теперь говорят, эксперимент. Эти два инспектора очень кропотливо проверяли нашу работу, они были на учебных пунктах, в школе инструкторов-командиров, знакомились и с работой отдела, который я возглавлял. Они сообщили местной власти, что я своей информацией на съезде внёс большую лепту в его работу.

Результатом инспекции была информация для всех губернских и окружных военных комиссариатов о нашей работе, как образцовой. По Приволжскому военному округу, куда входила и наша Вятская губерния, был издан приказ, где наша работа была названа образцовой, и наш пример предлагалось изучать. Но перед нами вставали всё новые и новые задачи, и на этом приятном событии мы не могли успокоиться.

За предотвращение восстания

Весь 1919, да и начало 1920 года в уезде было напряжённое положение. Мы должны были считаться в нашем уезде, как и в других уездах Вятской губернии, с интересной спецификой.

В Вятской губернии в царское время было сильное земство. Это были органы городского и сельского самоуправления, куда входили дворяне, купцы. Эти органы создавались уездными и губернскими собраниями. Создаваемые исполнительные управы имели очень ограниченные права, работали под контролем полиции, и последняя выполняла их решения после утверждения губернаторами. В функции этих управ входила помощь в организации народного образования, здравоохранения, содержания дорог и т.п. Несмотря на бюрократическую систему ведомства и дворянского господства, там нередко в земские школы и больницы шла передовая, тесно связанная с трудовым народом и демократически настроенная молодежь. В Вятской губернии земские управы имели и прогрессивные начала. В частности, в небольшом городе Орлове (ныне Халтурине)² с населением в 1916–1920 гг. не более 4 тысяч человек были построены хорошие по тому времени каменные здания Женской гимназии, Реального училища, Городского и Речного училищ, ремесленное училище, больница с приёмным покоем.

² Орлов в 1923 году был переименован в г. Халтурин в честь революционера Степана Халтурина, уроженца Орловского уезда. В 1992 году возвращено историческое название Орлов, ныне районный центр Вяткинской области. *Прим. ред.*

Но земство было прогрессивным только в некоторой части. Около него приютилось крупное кулачество, откуда вырастали эсеры. Организация эсеров была довольно сильная. После победы Великой Октябрьской революции это были злейшие враги Советской власти.

Они были непрочь нашу военную организацию по всеобщему военному обучению использовать в своих целях – захватить её в свои руки и организовать восстание, как это было в Сибири и во многих районах нашей страны. Для нас была ясна такая тенденция, и мы должны были противостоять кулацкой части населения. Приходилось занимать осторожную и тонкую линию поведения. Расширяя сеть учебных пунктов, мы внимательно занимались подбором и подготовкой для них командиров. Как только выявлялись их связи с эсерами, их снимали с должностей и отправляли в регулярные части. Приходилось часто выезжать в волости и вести работу с разными органами власти и, в частности, с комбедами. Партийная прослойка в те годы была исключительно малочисленной. Но наша система обучения крепла, была образцовой, и в этом была большая заслуга местных органов Советской власти.

Борьба с дезертирством

В наших русских деревнях приходилось встречать немало мужиков разных возрастов, особенно пожилых, совершенно неграмотных, но умных и рассудительных не только в местных, но в государственных вопросах. Много замечательных крестьян я встречал на фронте Первой империалистической войны, которые были не только прекрасными бойцами, но и людьми, глубоко понимающими события в стране.

В период 1919–1920 гг. среди крестьян также встречались люди, глубоко любящие свою страну, встречалось немало мечтателей, помышляющих о великолепной жизни на Руси после Октябрьской революции. Но среди крестьян были и тупые, озлобленные люди, легко поддающиеся на провокации – такие часто бегали из армии или скрывались от воинской повинности. Дезертиров разыскивали, привлекали к ответственности, и они стали уходить в леса, собираться группами, а т.к. они имели оружие, то превращались в банды. А если к ним попадали белогвардейские офицеры, то такие группы становились опасными. Появились такие группы и у нас.

Приходилось устанавливать наблюдения за семьями дезертиров, по ночам пробираться в их дома, вслед за дезертирами и

женщины начинали голосить, когда беглецов уводили. Находили логовища дезертиров в лесах и брали их чаще всего без боя. Это была длительная кропотливая работа, которую мы систематически проводили и которая отнимала много времени.

Меня принимают в партию

В марте и апреле 1919 года из Сибири на запад страны катилась армия Колчака. Эта армия составляла до 200 тысяч человек, имела много генералов и офицерства, обладавших большим военным опытом. Кроме того, она поддерживалась империалистическими силами Америки, Японии, Англии, опиралась на сибирских купцов, уральских промышленников, помещиков и кулачество. Красная армия нуждалась в крупных пополнениях.

К концу апреля мы подготовили бойцов около полка. Всё пополнение должно быть отправлено в Вятку. Вместе с этим эшелонам поехали комиссар Копылов и я. 1-го мая на фронт отправляли несколько войсковых частей с нашим пополнением. На митинге должен был выступить т. Копылов. На проводы прибыли представители Губкома и Горкома партии, военного командования. Начался митинг, а Копылов не мог выступить, заменить его предложили мне. Я к этому выступлению не готовился и очень волновался, чувствуя неудобство, что я не иду в бой вместе с бойцами.

Помню, была высокая трибуна и перед ней тысячи красноармейцев, которые шли на фронт. Я не помню своего выступления, помню только, что я очень волновался и говорил горячо, от души. И моё выступление произвело хорошее впечатление.

После митинга подошёл ко мне представитель Губкома или Горкома, поблагодарил за выступление и неожиданно для меня спросил, почему я не в партии. Я был целиком с партией, но не думал о вступлении в неё, мне казалось, что я, бывший офицер, не достоин – что-то вроде этого я и ответил. Мне было сказано, чтобы завтра – 2 мая я был в горкоме партии в 6 часов утра. Я, конечно, появился там ещё раньше, оказалось, что уже заседал горком. Мне дали анкету и предложили её заполнить.

Я заполнил анкету, подождал минут 20-30 и впервые в жизни был приглашён на заседание партийного комитета. Тут оказалось много знакомых, был там и комиссар Копылов. Секретарь горкома сказал несколько тёплых слов обо мне и сообщил, что я подал заявление о вступлении в партию. Мне было предложено рассказать о себе, я был очень краток. Несколько товарищей дали

мне краткие характеристики, они были хорошие, а я чувствовал себя неудобно, мне казалось, что ничего ещё не сделал особенного, а только выполнял свой долг. Проголосовали, и я единогласно был принят в партию. Меня отпустили, вручив партийный билет.

Это был большой день, я почувствовал доверие к себе и понимал, что должен работать больше и лучше. Я вдумывался и понимал, что член партии я ещё неполноценный, я ещё многого не знал, что должен знать член партии.

В этот приезд в Вятку я впервые видел В.К. Блюхера. Тогда он был, кажется, командиром 51-й дивизии. Перед этим он был в боях с колчаковскими частями, был окружён и, казалось, безнадежно попал в лапы белогвардейцев. Но в пасхальный день он ударил по белогвардейским частям, прорвал фронт и вышел со своей дивизией из окружения. Почему-то он в это время был в Вятке.



В.К. Блюхер (1890–1938)

День Всеобуча

В мае мы отмечали День всеобщего военного обучения. В этой связи, помню, что из Губвоенкомата получил благодарность. Примерно в то же время – 25 мая 1919 года – в Москве Республика Советов отмечала День Всеобуча, и на Красной площади выступал В.И. Ленин. Он говорил:

«До сих пор военное дело было одним из орудий эксплуатации пролетариата классом капиталистов и помещиков... Но эта, самая прочная опора буржуазии падёт, когда рабочие возьмут в свои руки винтовку, когда они начнут создавать свою огромную армию пролетариата, начнут воспитывать солдат, которые будут знать, за что они воюют...»

На учёбу

В наш век всё движется и движется все быстрее, быстро всё изменяется, поэтому человеку приходится повседневно учиться, чтобы быть на уровне своей эпохи. И, кажется, я учусь всю жизнь. А после революции в нашей стране я учился каждый день. Одна-

ко, видимо, нужно было учиться коллективно при каких-то центрах, и это нашей партией и правительством предусмотрено, как система.

И вот как записано в моем послужном списке: «Согласно распоряжению Вятского губернского военного комиссариата (по отделу Всевобуча), изложенному в телеграмме от 24 июня 1916 г. за № 97743, командирован на курсы Всевобуча в Нижнем Новгороде с оставлением на службе и в списках Комиссариата».

Я срочно сел на пароход в Орлове и, как говорят, взял курс на Нижний. Была хорошая летняя погода, и по речному пути Вятка – Кама – Волга я ехал целую неделю. Я всегда любил воду, реки, море; ехал с удовольствием и отдыхал. Прошёл уже год напряжённой работы, кажется, не было покоя ни днем, ни ночью. И если я отдыхал, то только при встречах с Таей Охупкиной, за которой я ухаживал и которую я, кажется, любил. Она продолжала мне помогать в составлении инструкций и руководств. Я набрасывал, а она редактировала и переписывала. Тогда у нас не было пишущих машинок.

И вот, я двигаюсь. Мне была предоставлена небольшая каюта на небольшом пассажирском пароходе, который тащил за собой баржу с каким-то грузом. Я уже не первый раз ехал на пароходе, и мне всё казалось так прекрасно. На пристанях пароход встречали не только пассажиры, но и продавцы, предлагавшие, главным образом, рыбу. Вдоль берега реки у воды выстраивались рыбаки, они залезали по колено в воду, сбрасывали камни со специальных корзин, корзины всплывали, а в них живая рыба – судак, стерлядь, щука и другие виды. Можно было купить тут мелочь – ершей и пескарей – на уху, или в полметра длиной судака или щуку, красивых стерлядей. Рыбаки продавали рыбу за деньги, но охотнее меняли на каравай хлеба, на рубашку и другие нужные вещи.

В дороге, как всегда, создалась компания, мы покупали разную рыбу, отдавали её повару на пароходе, и он готовил нам разные рыбные блюда по нашему заказу. Ехали мы, и будто не было войны, и не лилась кровь на многочисленных фронтах многострадальной России.

Через несколько дней мы подошли к Казани – городу, где я родился. Я невольно вспоминал, что мне особенно врезалось в память: маленький домик на Адмиралтейской улице. Жандармы, которые врывались в этот дом и переворачивали всё вверх дном. И Аннушку, которая встречала жандармов с ненавистью и нередко издевалась над ними. Я вспоминал конку, крестные ходы, когда

несли целую надстройку с иконой богоматери, её несли 6-8 человек. Разнёсся слух, что эта икона не пройдет через мост речки Казанки, и это привлекало туда большое количество народа и полиции. Я вспоминал Казанский сад, куда я ходил с матерью и отцом и с удовольствием слушал издали военный оркестр. Я вспоминал крестную – Марфу Николаевну Заиконникову, которая была так добра ко мне. Вспоминал и мечтал.

Наконец, мы подошли к городу Нижнему Новгороду, ныне гор. Горький³. Встретил он нас негостеприимно. Перед нами причалила барка, вмещающая несколько сот мешочников. На наших глазах появился военный продотряд и начал пропускать мешочников, проверяя документы. Тут же появился отряд моряков, имевших оружие, и они бросились помогать мешочникам. Между ними и продотрядом завязался настоящий бой со стрельбой. Наш пароход, бросив грузовую баржу около баржи с мешочниками, стал уходить дальше. Мы издали с парохода наблюдали за боем, который продолжался около часа, до подхода дополнительного военного отряда. Многие мешочники, пользуясь суматохой боя и помощью моряков-анархистов, сумели уйти.

Нижний Новгород жил беспокойной жизнью, здесь чувствовалась война, разруха, распри и ожесточённая борьба старого с новой властью на Руси.

На организационно-методических курсах

К началу занятий на курсах я запоздал и пробыл на них около месяца. К чтению лекций были привлечены офицеры старой армии, там было много академизма, противоречий между отдельными преподавателями, мало было нового. При чтении таких лекций, как по психологии, было не только не ясно, но только запутанно.

Я, как только освоился, стал задавать вопросы преподавателям, а иногда и выступал с рассказом, как мы практически решаем задачи по организации и методике военного обучения. Это вызывало иногда целые дискуссии, которые переносились в общежитие и были наиболее интересными.

У многих из нас вызывало большой интерес новое о тактике и стратегии Красной армии в гражданской войне. Для меня на этих курсах было откровением знакомство с марксистским мировоззрением и насущными вопросами социалистического строительства.

³ Нижний Новгород переименован в г. Горький в 1922 году. В 1990 г. ему возвращено историческое название. *Прим. Ред.*

Несмотря на крайне короткий срок наших курсов и сравнительно низкий уровень лекций по главному для нас вопросу – организации и методике военного обучения, – эта учёба просветила меня в вопросах причин и сущности гражданской войны, начала марксизма, понимания классовой борьбы, необходимости и неизбежности диктатуры пролетариата. Было совершенно ясно, что я полный невежда в этих вопросах. Я был всё время в поисках литературы по этим вопросам, но в то время она была исключительно бедна. Приходилось питаться старой военной и политической литературой.

В середине августа 1919 года я уже был в Орлове, в своём отделе.

Новые горизонты и новые условия

Вероятно, по природе или, точнее, по наследственности, я никогда не успокаивался на достигнутом. Я всегда искал новых путей и более эффективных результатов в своей работе. Нередко я не мог спать ночей, когда у меня зарождались новые идеи и новые планы. Я не был теоретическим мечтателем, мне нужно было сейчас же претворять их в жизнь. Всё прочитанное, всё прослушанное записывал, продумывал, сравнивал со своей деятельностью, и у меня зарождались новые планы. Как только они формировались в голове, я начинал их продвигать. За 40 дней поездки и учёбы у меня созрели новые планы, новые конкретные задачи. Но к этому времени в нашей губернии и уезде обстановка резко изменилась.

Известна телеграмма В.И. Ленина от 29 мая 1919 года Реввоенсовету Восточного фронта: «Если мы до зимы не завоюем Урал, то я считаю гибель революции неизбежной».

Задание об освобождении Урала было выполнено Восточным фронтом досрочно – к концу июня. Подготовка резервов отодвигалась всё больше на север, роль таких захолустных районов, как Орлов, с каждым днем, уменьшалась. Если ранее здесь не было военных специалистов, то сейчас они появились, приходили и уходили военные руководители – заместители военного комиссара (Герц, Чупраков и др.). Они крепче сидели в креслах и пытались давить «в соответствии с приказом». А я предлагал всё новые и новые мероприятия, которые были беспокойны и не особенно актуальны. Я же спокойно не мог сидеть без живого дела. Ранее я много раз просил отправить меня на фронт, но меня считали крупным специалистом Всевобуча и не отпускали. Кажется, ещё до поездки на курсы я уговорил местное начальство меня отпустить, и получил назначение на Северный фронт. Я должен был получить

документы в Вятском Губвоенкомате, куда я и приехал. Продержав меня дней 10, отменили назначение и вернули заниматься военным обучением в своём уезде.

Вернувшись с курсов, я приступил к новым мероприятиям и одновременно резко поставил вопрос об отправке меня на фронт.

Но вместо фронта в начале февраля 1920 года меня отправили в город Екатеринбург в распоряжение Инспекции по Всеобщему обучению Приуральского военного округа.

Неудачное сватовство

Два года дружили мы с Таей Охапкиной, проводили с ней свободное время. Я как-то предложил ей руку, она согласилась, что только не знает, как мама. Отца её в это время не было. После приезда с курсов я считал, что мне пора жениться.

Моя покойная мама, которую я всегда любил, подыскала было мне невесту – Шуру Ветошкину. Обе мамы уже сговорились и даже порешили, какое я получу приданое вместе с Шурой. Мы одно время жили в их доме как квартиранты, я часто встречался с Шурой, она была неплохая девушка, но навязывание её мне в невесты, оттолкнуло меня. Богатая невеста Шурочка подумала, что имеет на меня права, и это тоже меня оттолкнуло. Но, главное, я уже познакомился с Таей, девушкой скромной, вдумчивой и деловой, и я за ней ухаживал. У Таи за два года нашего знакомства я не был ни разу. Получив её согласие и предупредив Таю, в один прекрасный вечер я отправился свататься. Подойдя к дому, у них был свой дом, я был не сразу впущен. Мамаша Таи встретила меня явно недружелюбно. Когда я изложил свою просьбу – разрешить Тае выйти за меня замуж, она долго молчала. Когда я стал настаивать, она ответила, что если Тая согласна, то она не возражает, но я должен перейти в их веру. У нас с Таей никогда не было разговора о вере. Я ей сказал, что по существу, не верю ни в какого бога. Мне кажется, что так же и Тая. Тая меня поддержала.

Оказалось, что мать была старообрядкой, она заявила, что, если я хочу жениться, то должен поверить в их бога. Она сказала это так решительно, что я почёл себя оскорблённым, как говорят, ушёл, не солоно хлебавши. Мы с Таей продолжали встречаться, как будто ничего не случилось, но чёрная кошка между нами проскочила. Мы с ней хорошо расстались, ещё некоторое время переписывались. Но судьба сталкивала нас и позже.

Продолжение следует